

СВЯЗЬ ВРЕМЕНИ

Это интервью было взято при свечах и при свете юпитеров. Давал его мне человек в черном сюртуке. Разговор шел на съемках фильма «Выстрел» — фильма по рассказу Пушкина.

Первый писатель, которого я могу назвать сразу и безоговорочно, писатель, с которым связана вся моя жизнь, — Пушкин. Я не представляю себя без него. На этом я вырос. Это как хлеб, как молоко. Начиная со сказок и кончая письмами. Снова и снова я возвращаюсь к нему. Душевная неразбериха или новое чувство, волнения, страхи — все заставляет меня тянуться к нему.

Мне очень повезло. В нашу семью был вхож замечательный критик, литературовед, переводчик, изумительный человек Борис Эйхенбаум. Для меня он был просто дядя Боря. Он учил меня любить и понимать Пушкина.

И каждое мое возвращение к Пушкину было новым открытием. Каждый раз я читал его по-другому. Десять лет назад я чувствовал «Евгения Онегина» совсем не так, как сейчас, и уверен, что через десять лет прочту его иначе.

Наверное, так же неотделим от меня Шекспир. Его «Гамлет» — что-то вроде библии для меня. Я поражаюсь, как эта удивительная пьеса, столь созвучная мне, человеку XX века (да и мне ли одному!), могла быть написана несколько веков назад. В последний раз я играл Гамлета семь лет назад. И тоже в разные периоды моей жизни Гамлет был для меня совершенно разным. В 22 года я играл его очень злым. Сгусток желчи и боли вкладывал я в него — и, правда, меня называли самым злым Гамлетом. Сейчас я сыграл бы его, наверное, по-другому. Более философичным. Может быть, чуть-чуть более бессильным. И уставшим. И даже почти уклоняющимся от схватки.

Пушкин, Шекспир, Лермонтов, Лев Толстой, Достоевский, Чехов (драматургия), Пастернак, Хемингуэй («По ком звонит колокол»), Фолкнер — вот, пожалуй, круг писателей, который сейчас мне ближе всего, без которого мне трудно было бы жить, может быть, и невозможно — во всяком случае я себе этого не представляю.

Очень трудно так сразу сформулировать закономерность, приведшую меня именно к этим писателям. Пожалуй, самое главное в их книгах для меня — раскрытие души человеческой как бы изнутри, психологическая школа, что ли, — да дело не в терминах. Странно, чем бы мог мне быть близок Фолкнер: он пишет о южных штатах Америки и о других людях, совсем других, живущих другими интересами, по другим законам. Это ново. Это интересно. Но вдруг где-то я чувствую необычайную близость мне этих людей, мне лично. В моей душе происходит примерно то же самое. Происходит, происходило когда-то. Люди — везде люди. На каких бы континентах они ни жили.

И в каком бы веке они ни жили. Я не ощущаю резкой грани между XIX и XX веком. Литературу воспринимаю как единый поток.

Сейчас я снимаюсь в фильме «Выстрел» по Пушкину. Играю Сильвио. Внешне это можно было бы сыграть очень одномерно. Заданная эффектная роль, весь в черном, на всех бросается, словом. «Дым из воздрей». Я долго искал здесь внутреннюю пружину, то главное, без чего при всем внешнем антураже не получится пушкинского Сильвио. И понял, что этот рассказ — об очищении человека, о том, как, пройдя через страдания, позор, он становится личностью, становится человеком. И понял, что это уже — Достоевский. Когда Сильвио второй раз отказывается стрелять, когда он говорит: «Нет. Я доволен. Я видел твою робость, я заставил тебя выстрелить. Отдаю тебя твоей совести», — это уже Достоевский. И это было у Пушкина. Вот она, связь времен. Связь, без которой ничего не поймешь и из которой ничего не выкинешь. И сейчас, в современной литературе, я слышу Пушкина, Достоевского, Шекспира.

М. КАЗАКОВ.

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕТ
Г. МОСКВА

21 ОКТ 1966